К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА

В. В. Бибихин

Мартин Хайдеггер родился 26.9.1889 г. на юге нынешнего Баден-Вюртемберга в городке Месскирхе, находящемся на краю исторической области алеманнов, где они, преимущественно католики, уже смешиваются с протестантами-швабами. Отец Хайдеггера, ремесленник-бочар, служил причетником и звонарем католического храма св. Мартина в Месскирхе, мать была родом из деревни в Верхней Швабии, и здесь кстати вспомнить, что Виланд, Шиллер, Гельдерлин, Гегель, Шеллинг, Вильгельм Гауф, Эдуард Мерике, Герман Гессе происходили из швабов; швабом был Альберт Великий; и Фома Аквинский принадлежал к швабскому (свевскому) роду, утвердившемуся в Южной Италии.

Всю жизнь, кроме редких поездок за границу, Хайдеггер провел в родных местах, подчеркивал свою преданность им и не позаботился очистить свой язык от диалектных особенностей. Говорят о его «почти варварском провинциализме». Но первые шаги в философии он сделал совсем не как провинциал.

Читатель серьезных книг и крайний нападающий местной футбольной команды, Хайдеггер поступил в гимназию иезуитов в Констанце, потом прослушал 4 семестра теологии, столько же математики и естественных наук в университете Фрейбурга, одном из старейших в Европе (основан в 1460). Профессор истории Финке разбудил в «чуждом истории математике» любовь к ней. Хайдеггер учился у Риккерта, был ассистентом при Гуссерле; Рудольф Бультман, молодой Гадамер, Ясперс, Николай Гартман, Макс Шелер — вот его круг в 10—20-е годы. Его философское ученичество пришлось на волнующее время, когда вышла полностью «Воля к власти» Ницше, возрождался интерес к Гегелю и Шеллингу, были переведены на немецкий Кергегор [1] и Достоевский, началось издание Дильтея, был заново открыт Гельдерлин; когда Рильке и Тракль писали свои главные вещи. В 1914 г. Хайдеггер опубликовал докторскую диссертацию «Учение о суждении в психологизме», в 1916 г. — работу «Учение Дунса Скота о категориях и значении», дававшую ему право быть доцентом.

Потом ровно десять лет Хайдеггер ничего не печатал. Слава о нем расходилась, правда, и так. Его аудитории были полны. «То, о чем он читал, люди видели перед глазами, словно телесное и осязаемое», вспоминает Гадамер.

В 1926 г. появилось «Бытие и время» — книга, изменившая путь европейской мысли и до сих пор остающаяся «темной» для большинства профессионалов. Субъект, объект, сознание, антропология, историзм, культура — все эти привычные подпорки, без которых современному разуму, похоже, не сделать шагу, были здесь отброшены.

Еще несколько лет — и на своем знаменитом «повороте» Хайдеггер оставляет позади последние привычные вехи: не философия, не метафизика, не фундаментальная онтология, даже не бытие («я уже неохотно употребляю это слово» скажет он в 1966 г.), а «другое мышление» отныне — дело Хайдеггера.

Многие профессионалы были теперь окончательно скандализованы и всерьез постановили между собой, что коллега воспарил в зен-буддистскую пустоту — словно почва европейской мысли начала приносить восточные плоды.

Хайдеггер почти никогда не пробовал оправдаться. Он рано понял: если думаешь по-настоящему, о тебе могут подумать всякое. Его «поворот» 30-х годов истолковали как расписку в неудаче «Бытия и времени», признание тупика. Он не стал говорить, что на его родном наречии «поворотом», Kehre зовется место, где серпантин горной дороги повертывает почти на 180°, чтобы подобраться ближе к перевалу. Название его сборника «Holzwege» (1950) переводили «Тропы, ведущие в никуда», потом «Ложные пути», «Лесовозные дороги», наконец, «Дебри». Но в воспоминаниях физика Карла Фридриха барона фон Вейцзеккера читаем: «Однажды он повел меня по лесной дороге, которая сходила на нет и кончилась посреди леса в месте, где из-под густого мха проступала вода. Я сказал: „Дорога кончается". Он хитро взглянул на меня и сказал: „Это лесная тропа, Holzweg. Она ведет к источникам. В книжку я это, конечно, не вписал"» [2].

В редких случаях, когда Хайдеггер не молчал о себе, мало что менялось. Как известно, он был лишен в 1945 г. на шесть лет французскими оккупационными властями в Германии права преподавания. После его смерти — он умер 26.5.1976 г. — было напечатано данное им еще 23.9.1966 г. интервью-завещание, где он, как мог исчерпывающе, сказал о своем «национал-социализме». Джордж Стайнер, в числе прочих, старательно изучил хайдеггеровский 1933 год и вынес приговор: «Его официальные контакты с нацистским движением длились только девять месяцев, и он порвал с ним — это стоит подчеркнуть — еще до захвата Гитлером полноты власти; многие видные интеллектуалы повели себя гораздо хуже» [3]. Однако снова и снова по академическим водам прокатывается волна старых разоблачений «тайного нациста». Они дышат свежим возмущением, которым обвинители заменяют для себя понимание Хайдеггера.

Или еще. Он настаивал, что его мысль «не имеет ничего общего» с экзистенциализмом. Все равно: он — экзистенциалист, пишем мы; нам виднее. Между тем краткое и многозначительное размежевание Хайдеггера с экзистенциализмом произошло задолго до «Письма о гуманизме» (1947) — в самом начале 20-х годов. Храня раннее убеждение, что философ мыслит всем своим бытием, Хайдеггер не мог не потянуться к Кергегору. И по существу никогда никому он не подавал руку для совместного труда мысли так, как Карлу Ясперсу в рецензии 1921 г. на «Психологию мировоззрений». Ясперс, говорилось в рецензии, сумел подняться

над собиранием фактов к новой концентрации реалий человеческого существования. Но что значит, что он «непосредственно и непредвзято созерцает» экзистенцию, развертывающуюся перед ним между своими «пограничными ситуациями»? Разве такое созерцание — не частица экзистенции самого исследователя? Пусть Ясперс не любит метафизику. Но при любом отношении к ней надо же все-таки спросить: откуда взялось это предстояние «предмета исследования», жизненного потока, перед наблюдающим его сознанием? Мы с головой в экзистенции и обманываемся, надеясь, будто в состоянии глядеть на нее со стороны. Важно не то, что́ именно может разглядеть в своем объекте зоркий субъект. Мало ли что он может в нем разглядеть, да еще в таком богатом, как человеческая экзистенция. Разглядывание неизбежно скатывается в эстетизм. Единственно важно другое: что стоит за «рассмотрением» экзистенции? Кто ее рассматривает? Она же сама. А что если все это занятие анализа и описания человеческой экзистенции — лишь непо́нятое следствие изменения в способе ее исторического бытия? — Ясперс не дочитал рукописную рецензию младше́го друга до конца, она ему показалась скучной [4]. Ее напечатали только в 1973 г. Ясперсовский экзистенциализм продолжал свое странствие по переулкам «существования» с его проектами, трансцензусами, шифрами, диалогами. Хайдеггер задумался об одном — благодаря чему человек видит все то многое, что он видит.

Путь Хайдеггера вел не от феноменологии к экзистенциализму, а от раннего пересечения с кергегоровским и с ясперсовским экзистенциализмом — к феноменологии как строгой (строже математики) аналитике идей, и через нее — к фундаментальной онтологии, и через нее — просто к мысли о том, что есть.

В рабочем экземпляре «Бытия и времени» в какие-то поздние годы против фраз «Введения»: «Вопрос экзистенции есть онтическое «дело» [человеческого] присутствия. Последнее не нуждается для этого в теоретическом прояснении онтологической структуры экзистенции. Вопрос об этой структуре нацелен на разбор того, что конституирует экзистенцию», — Хайдеггер написал на полях: «Also keine Existenzphilosophie», «Стало быть, никакая не экзистенц-философия» [5]. Его задача была не сконструировать философию существования, а спросить, что это значит, что для человека в его существовании дело идет о бытии. Если мы не будем спешить с подведением хайдеггеровской мысли о бытии под удобную рубрику, ничего страшного не произойдет. В конце концов, Платон и Аристотель тоже не дождались классификации их по той или иной философской школе.

Читая Хайдеггера как «экзистенциалиста», его именование существа человека — Dasein естественно понимают в общем экзистенциалистском ключе как «здесь-бытие», т. е. как «здешнее бытие», земное человеческое существование с его переживаниями, заботами, страхами. И снова с загадочным равнодушием прохо-

дят мимо прямого указания Хайдеггера, что всякие местоположения и ситуации могут иметь место только в заранее уже данном «просвете», Lichtung. «„Здесь" и „Там" становятся возможны лишь в некоем „Вот", т. е. когда есть такое сущее, которое в качестве бытия-вот дало место пространству» [6]. Старый сартровский перевод Dasein—être-lá, présence [7] (бытие-вот, присутствие) остается, похоже, все-таки лучшим. В нем не упущена простая цельность хайдеггеровской дефиниции. Человек — сущее, существо которого есть присутствие, то не фиксируемое со стороны предметного содержания, но явственное «вот», которое не «здесь», не «там», не «состоит из», а «есть» и «может». Присутствие — это, так сказать, нечеловеческое в человеке, его бездонная открытость. Возможностям чистого присутствия не видно края. Оно может всему отдаться и всем быть захвачено, через него может присутствовать все от полноты бытия до провала ничто. Вне присутствия — причинно-следственные цепи, только в нем свобода и поэтому только в него бытие и сущее могут войти своей истиной, а не только своей функцией. Дело человека — не реализовать какие-то из своих возможностей, скажем, возможность быть «здесь», уйдя от «там», а сбыться в своем существе «понимающего в мире», сторожа истины. Об этой единственной подлинной возможности человеческого присутствия не перестает говорить совесть, не давая прекратиться заботе. Во власти человека решить, быть ли ему «здесь» или «там», но не человек решает, присутствовать ему или нет: во сне, наяву, рассуждая, не рассуждая, при жизни и в пожизненной судьбе человек брошен в собственное присутствие, которое не «что», а «есть», и потому открыто. «„Сущность" присутствия заключается в его экзистенции. Черты присутствия — не наличные „свойства" таким-то образом „выглядящего" наличного сущего, но возможные для него способы *быть* и только это. Всякая *такость* этого сущего есть прежде всего бытие» [8].

«Экзистенциализм», «нацизм», «зен-буддизм», «безлично-языческое», «здешнее бытие» загораживают подступы к Хайдеггеру. Нужный смысл этих «дебрей» ясен: они хранят его от легкой популяризации, достигают по-своему того, «чтобы с этим великим мыслителем не обращались как с мертвой собакой» [9]. Их тревожный смысл — продолжающаяся неготовность увидеть событие Хайдеггера как есть.

«Человек, который в XX в. пробует философствовать, — напоминает нам Эммануэль Левинас, — не может не пройти через Хайдеггера» [10]. «Даже если человеку кажется, — уточняет Гадамер, — что он окончательно прояснил свою позицию „против" Хайдеггера — или же „за" него, — он только выставляет себя на смех. Так просто мимо мысли не пройдешь» [11].

* * *

Предлагаемый ниже перевод непереводимо тонущего в немецком языке доклада Хайдеггера «Вещь» («Das Ding»; прочитан в Баварской академии изящных искусств 6.6.1950, включен в сборник: *Heidegger M.* Vorträge und Aufsätze. Pfullingen: Neske, 1954. S. 163—181), к сожалению, способен не более чем намекнуть на оригинал, в котором мастер слова как бы только помогает этому последнему самому явить желаемый смысл. Пример Хайдеггера показывает здесь, что мысли так же не нужен искусственный терминологизированный язык, как скульптору — искусственный мрамор без природных жил, а композитору — синтезированный звук без обертонов. Стоит заметить, что, как Хайдеггер не пользуется метафорами и игрой воображения, так он никогда не отступает от достоверной истории слова. Читатель может проверить по этимологическому словарю: фантазий в духе платоновского «Кратила» он не найдет. Надо только не смешивать историческую близость слов (thing, вече — Ding, вещь, строгая этимология; eigen, собственный — ereignen, сбываться, разные корни, но сросшиеся в жизни самого языка) с чистыми созвучиями (Spiegel-Spiel, древняя германская начальная рифма; Ring—gering—ring—Ding, более привычная рифма). Путеводительствует не словарь, а мысль. Ее путь кажется иногда слишком крутым. Это оттого, что Хайдеггер идет давно испытанной дорогой мысли о мире, но теперь еще прямее, уже не через человеческое бытие-в-мире, как в «Бытии и времени», и не через художественное создание, как в «Начале произведения искусства» (1936) и в интерпретациях Гельдерлина (начало 40-х годов), а от простой подручной вещи.

[1] Раньше это имя транслитерировали (Киркегаард), правильнее его транскрибировать, т. е. писать как произносят датчане: Кергегор. Другие написания мало обоснованы.
[2] *Weizsäcker C. F.* v. Der Garten des Menschlichen. Beiträge zur geschichtlichen Anthropologie. München; Wien, 1977. S. 407.
[3] *Steiner G.* Martin Heidegger. N. Y., 1978. P. 117—121.
[4] *Jaspers K.* Notizen zu Martin Heidegger. München; Zürich, 1978, N. 210. Цит. по: *Saner H.* Aspekte der Heidegger-Kritik von Karl Jaspers // Martin Heidegger—Unterwegs im Denken. Symposion im 10. Todesjahr. München, 1987. S. 242.
[5] *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Frankfurt a. M., 1977. Bd. 2 S. 17.
[6] *Heidegger M.* Sein und Zeit. Frankfurt a. M., 1977. S. 132.
[7] *Sartre J.-P.* L' être et le néant. P., 1966. P. 225.
[8] *Heidegger M.* Sein und Zeit... S. 42.
[9] *Гадамер Г.-Г.* Гегель и Хайдеггер // Диалектика Гегеля в оценке современных западных философов. М., 1974, ч. I. С. 88.
[10] *Lévinas E.* Ethique et l'infini. Dialogues avec Philippe Némo. P., 1982. P. 40.
[11] *Gadamer H.-G.* Philosophische Lehrjahre. Frankqurt a. M. 1977. S. 212.